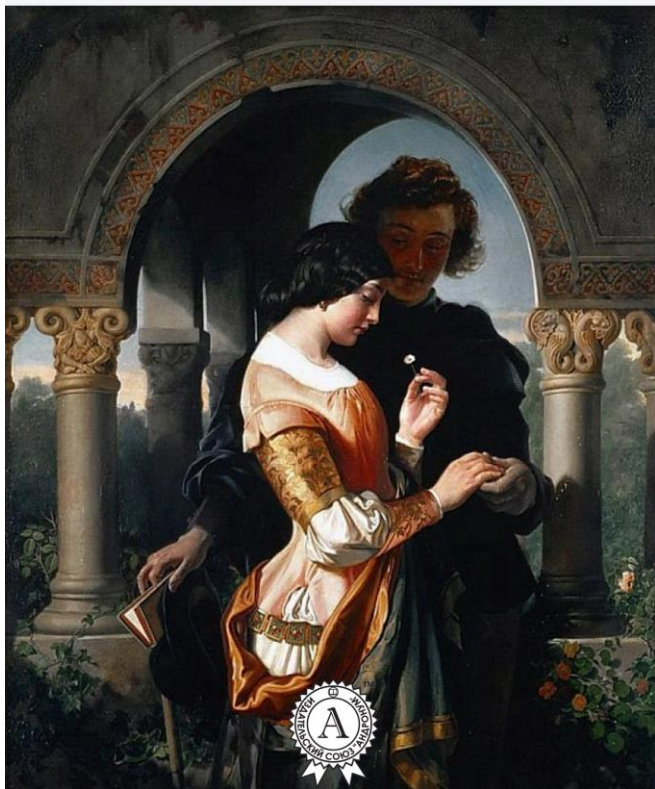

Майн Рид

КВАРТЕРОНКА

«Квартеронка» — произведение классика английской приключенческой литературы Т. М. Рида (1818–1883).

Роман написан в 1856 году. Это один из лучших романов автора, в котором дана широкая картина жизни Юга Соединенных Штатов Америки в период рабовладения. Рабовладельческий уклад жизни препятствует любви героев, заставляет их искать спасения в бегстве от несправедливости. Но и само это бегство полно опасностей.

Перу Рида принадлежит и такое произведение как «Молодые невольники».

Томас Майн Рид

КВАРТЕРОНКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. ОТЪЕЗД

Как все юноши, вырвавшиеся из школы, я уже не был счастлив дома. Жажда к путешествиям томила меня, мне горячо хотелось познакомиться с тем светом, который был мне еще известен только из книг.

Желание мое скоро исполнилось; и без малейшего вздоха смотрел я как исчезали холмы моего родной земли за торными волнами — и не заботился, увижу ли я их опять.

Хотя я вышел из стен классической школы, я вовсе не отличался сочувствием к классическому. Десять лет, проведенных над дикими гиперболами Гомера, механическими стихотворениями Вергилия и сухими грубостями Горация Флакка, не наделили меня пониманием той классической красоты, которую чувствует — истинно или притворно — учёный в очках. Мое воображение не было создано жить идеальным, или мечтать о прошлом. Я нахожу наслаждение в действительном, положительном и настоящем. Дон-Кохиты могут играть роль

трубадуров в разрушившихся замках, а жеманные мисс покрывать землю руководствами. Я со своей стороны не верю романизму давнопрошедшей жизни. В современном Теле я вижу наемщика, готового продать свои дюжие члены какому бы то ни было тирану, а живописный Мадзарони, при ближайшем знакомстве, умалется до размера самого обыкновенного воришки. В разрушающихся стенах Афин и развалинах Рима, я встречаю негостеприимство и голод. Я не верю, чтобы бедность была живописна. Я не нахожу наслаждения в оборванном романтизме.

А между тем меня вызвала из дому страсть к романическому. Я жаждал поэтического и живописного, потому что находился именно в таких годах, когда воображение наполнено сильнейшею верою в их действительность. Мое воображение еще и теперь не потеряло этой веры. Я теперь старше, но час разочарования еще не наступил для меня — и никогда не наступит. В жизни есть романизм, это не обманчивая мечта. Он живет не в бесплодных формах и ребяческих обрядах модных гостиных. Жилище его в другом месте, среди величественных сцен природы — хотя они не служат ему необходимым аккомпанементом. Он также сроднен полям и лесам, скалам, рекам и горам, как и хорошо протоптанным дорогам торгового города. Жилище его в человеческом

сердце — в сердце, которое бьется высокими стремлениями — в груди, которая дышит благородными страстями свободы и любви!

Шаги мои направлены не к классическим берегам, но к землям новой и более могущественной жизни. На запад отправился я отыскивать романизм. Я нашёл его в самой привлекательной его форме, под блестящим небом Луизианы.

В январе 18... я ступил ногою на землю нового света — на место, омоченное английской кровью. Вежливый шкипер, который перевез меня через Атлантический Океан, взял меня в свой гиг. Мне любопытно было осмотреть иоле этого решительного дела, потому что в этом периоде моей жизни я имел склонность к военным подвигам.

С тех пор, как я стоял на этом поле битвы, я участвовал своею шпагою не в одном сражении. То, что было для меня тогда теорией, оправдалось опытностью.

Через час я бродил по улицам Нового Города, уже не думая о военных делах. Размышления мои обратились совсем в другую сторону. Общественная жизнь в новом свете со всей своей свежестью и силой двигалась перед моими глазами, подобно панораме, и, несмотря на мое притязание к *nil admirari*, я не мог не удивляться.

И один из предметов моего удивления, встретивший меня на самом пороге заатлантической жизни — было открытие моей собственной бесполезности. Я мог указать на свое бюро и сказать:

— Тут лежат доказательства моей учёности — лучшие награды, полученные в университете.

Но на что они полезны? Сухие теории, которым я научился, не имели применения к целям действительной жизни. Логика моя была болтовней попугая. Моя классическая учёность заваливала как хлам мой разум; и я так был приготовлен бороться с жизнью, приносить пользу себе или ближним, как будто получил учёную степень в китайской мнемонике.

О, да! Местные профессора, учившие меня синтаксису и скандаванию, вы сочли бы меня неблагодарным, если бы я выразил презрение и негодование, которое тогда чувствовал к вам — тогда как оглядывался на десять лет, истраченных понапрасну под вашим надзором — тогда как в то время, когда я воображал себя ученым человеком, обманчивая мечта моя исчезла и я пробудился к сознанию, что я не знал ничего.

С деньгами в кармане и с весьма немногими познаниями в голове, я бродил по улицам Нового Орлеана, все с возраставшим удивлением.

Через полгода я проходил по этим сильным

улицам с весьма небольшим количеством денег в кармане, но с запасом дознаний, значительно увеличившимся. В эти шесть месяцев я приобрел опытность более обширную, нежели в шесть лет моей прежней жизни.

Я заплатил довольно дорого за эту опытность. Мой дорожный капитал растратился в тигле кофейных, театров, маскарадов и «квартирных» балов. Некоторая часть этого капитала была положена в тот банк (фараон), который не дает процентов и не возвращает капитала!

Я почти боялся свести счёт моим деньгам. Наконец принудил себя сделать это и нашёл, расплатившись по счёту в гостинице, что у меня осталось ровно двадцать пять долларов! Двадцать пять долларов на прожитие до тех пор, пока я напишу домой и получу ответ — это продолжится, по крайней мере, три месяца — я и говорю о том времени, когда атлантические пароходы еще не существовали.

Шесть месяцев я грешил. Теперь я раскаивался и желал исправиться. Я даже желал занять какое-нибудь место. Но мое холодное классическое воспитание, не научившее меня беречь кошельки, не могло также помочь мне наполнить его; и во всем этом деловом городе я не мог найти должности, которую был бы способен исполнять!

Без друзей, обескураженный, с отвращением смотря на настоящее и с беспокойством на будущее, бродил я по улицам. Знакомства мои становились реже день это дня. Я не находил своих знакомых на обычном месте сборища — сборище удовольствий. Куда они исчезли?

В этом не было таинственности. Теперь настала половина июня. Погода сделалась невыносимо знойной, и каждый день ртуть все поднималась выше. Через неделю или две ожидали ежегодной, но незваной гостьи, «жёлтой лихорадки», присутствия которой ровно опасались и старые и молодые, и ужас, внушаемый ею, гнал модный Ново-Орлеанский свет, как перелетных птичек, в северный климат.

Я не мужественнее других людей. Я не имел желания познакомиться со страшным демоном болот; и мне пришло в голову, что и мне лучше убираться. Для этого стоило только сесть на пароход и переехать в другой город подальше тропической malaria.

В то время Сен-Луи слыл привлекательным городом, и я решился ехать туда, хотя не знал, как буду жить там, потому что финансов моих только что достало бы на переезд. Уложив мои вещи, я отправился на пароход «Западная Красавица», отплывавший к далекому «Граду Плотин».

Глава II

«ЗАПАДНАЯ КРАСАВИЦА»

Я был на пароходе в назначенное время; но аккуратности на Миссисипском пароходе ожидать нельзя, и мне пришлось ждать, по крайней мере, два часа.

Время это не прошло даром. Я провел его, рассматривая странное судно, на котором я должен был ехать. Я говорю странное, потому что пароходы, ходящие по Миссисипи и впадающим в нее рекам, не похожи на пароходы других стран, даже на те, которые употребляются в атлантических и восточных штатах.

Это просто речные суда и не могут выдержать бурного моря, хотя беспечные владельцы некоторых таковых судов иногда рискуют посылать их вдоль берегов от Нобилия до Гальветсона, Техаса!

Корпус сделан как у морского судна, но разнится с ним материально в глубине. Он так мелок, что для нагрузки немного места, а поверхность главной палубы только на несколько дюймов возвышается над водою. Когда пароход тяжело нагружен, волны захлестывают шкафут. На палубе нагружены тюки с хлопчатой бумагой, бочки с табаком, мешки с пшеницей, вышиной в несколько футов. Это груз парохода, плывущего по течению реки. На возвратном пути, разумеется,

товары везутся другого сорта и состоят в утвари и земледельческих орудиях, которые везутся из Бостона; кофе в мешках из Вест-Индии, рисе, сахаре, апельсинах и других произведениях тропического Юга.

На задней части этой палубы есть пространство, определенное для низшего класса путешественников. Это никогда не бывают американцы, а это земледельцы ирландские, или бедные немецкие эмигранты на пути к далекому северо-западу; остальные негры — свободные или по большей части невольники.

Войдите в каюту, и вы будете поражены новиною сцены. Вы увидите великолепную залу, может статься футов в сто длины, устланную богатым ковром, украшенную щегольскою мебелью — дорогими креслами, диванами, столами, с позолоченными стенами, увешанными гравюрами; хрустальным люстры висят с потолка; много дверей, ведущих в каюты, с каждой стороны, и огромная зеркальная дверь закрывает вход в святилище, называемое «дамской каютой»; словом, вы заметите вокруг вас роскошь, к которой, как европейский путешественник, вы не привыкли. Вы только читали подобную сцену в какой-нибудь восточной сказке — у Мэри Монтегю, или в «Арабских ночах».

Иногда все это великолепие печально

противоречит обществу, занимающему эту каюту: вас вдруг поразит толстый сапог, протянутый на перекладине щегольского стула, или пятно табачное на богатом ковре! Но это вещи исключительные и еще более теперь, нежели в то время, о котором я пишу.

Рассмотрев внутреннюю постройку «Западной Красавицы», я вышел из каюты на большое открытое пространство, место отдыха для пассажиров мужчин. Это просто продолжение каютной палубы, выдающееся вперед и поддерживаемое столбами, опирающимися на главную нижнюю палубу. Навес закрывает это пространство от дождя и солнца, и низкие железные перила делают его безопасным. Будучи открыто спереди и с обеих сторон, оно позволяет наслаждаться прекрасным видом, а прохладный ветерок, производимый движением парохода, делает это местечко приятным убежищем. Множество стульев доставлено тут для удобства пассажиров и курить позволено.

Тот мало интересуется движениями человеческой жизни, кто не может убить часа в наблюдении над плотиною Нового Орлеана; усевшись и закулив сигару, я намеревался провести час в этом интересном занятии.

Глава III

СОПЕРНИЦЫ

Часть плотины, находившаяся перед моими глазами, известна под названием «пароходной пристани». Десятка два-три судов лежат вдоль деревянной плотины, слегка выдающейся в реку. Некоторые только что воротились из верхних городов и выгружали свои товары и пассажиров, немногочисленных в это время года. Другие, окружённые суетливою толпою, разводили пары; третьи, кажется, были брошены и офицерами и экипажем, без сомнения, в это время наслаждавшимися в блестящих кофейнях и ресторациях.

На плотине было два пункта, где суматоха деятельной жизни была заметнее. Это были пространства над каютами на двух больших пароходах. На одном находился я, другой назывался «Магнолия», как я прочил на носу. Последний также приготавлился к отплытию, судя по движению экипажа, по шипению пара. На пристани прямо против Магнолии сваливали последний груз, пассажиры торопились вперед с картонками в руках, боясь опоздать, чемоданы, ящики, мешки, бочонки тащили и катили по доскам; писаря с книгой и карандашом записывали их; все показывало поспешный отъезд. Совершенно такая же сцена происходила перед «Западной

Красавицей».

Оба парохода лежали недалеко один от другого и экипажи, слегка возвысив голос, могли разговаривать между собою. По нескольким фразам, долетавшим до меня, я мог заметить, что «Магнолия» и «Западная Красавица» соперницы. Я скоро собрал дальнейшие сведения, что они отправляются в одно время и что будет «бег»!

Это случалось довольно часто с судами первого разряда, а «Красавица» и «Магнолия» принадлежали к этой категории. Обе были замечательны величиною и великолепием убранства, обе занимались одною и тою же торговлею от Нью-Орлеана до Сен-Луи и обе находились под командою известных и популярных капитанов. Они не могли не быть соперницами, и это чувство разделялось всем экипажем, от капитана до юнги. Что касается владельцев и служащих, то в этом соперничестве затронуты были денежные интересы. Судно, одержавшее победу на скачке, выиграет также будущее покровительство публики. Быстрый на ходу пароход становится модным пароходом и, наверно, приобретет впоследствии большее количество пассажиров по высшей цене — в американцах существует та особенность, что многие из них истратят последний доллар, только бы сказать в конце своего путешествия, что приехали на, модном пароходе,

так как в Англии вы найдете многих желающих сделать известным, что они путешествовали в «первоклассных вагонах». Снобы не принадлежат исключительно одной стране — они находятся повсюду.

Относительно предстоящего испытания в быстроте между «Западной Красавицей» и «Магнолией» чувство соперничества преобладало не только в экипажах обоих пароходов, но я скоро заметил, что и пассажиры были заражены им. Некоторые, без сомнения, видели в этом спортсменство и повод к сильным ощущениям, но большая часть держала пари.

— Красавица выиграет! — вскричал за моим плечом человек пошлой наружности. — Держу двадцать долларов за Красавицу! Хотите держать пари?

— Нет, — отвечал я сердито, потому что этот человек позволил себе положить руку на мое плечо.

— Ну! как вам угодно! — сказал он и, обратившись к кому-то другому, продолжал, — держу двадцать долларов за Красавицу! Двадцать долларов за Красавицу!

Признаюсь, в эту минуту мои размышления были не очень приятны. Это была моя первая поездка на американском пароходе и память моя была наполнена рассказами о несчастных приключениях, которые нередко случаются на этих

скачках.

Многие пассажиры — более степенные — разделяли мои опасения, и некоторые собирались просить капитана не позволять скачки. Но они были в меньшем числе и потому молчали.

Я, однако, решился спросить капитана об «его намерениях». Меня побуждало скорее любопытство, нежели другая причина. Я встал со своего места и прямо пошёл к пристани, где стоял капитан.

Глава IV

ПРИЯТНАЯ СПУТНИЦА

Прежде чем я вступил в разговор с капитаном, я увидел коляску, приближавшуюся с противоположной стороны, из Французского квартала города. Это был прекрасный экипаж, со щегольски одетым кучером-негром, и в этом экипаже сидела молодая и нарядная дама.

Не знаю почему, но я возымел предчувствие, сопровождаемое, может статься, безмолвным желанием, чтобы сидевшая в коляске была нашей спутницей. Скоро я узнал, что таково было ее намерение.

Коляска подъехала к плотине, и я увидел, что дама спросила что-то у прохожего, который немедленно указал на нашего капитана. Последний,

приметив, что о нем спрашивают, подошёл к экипажу, и поклонился даме. Я стоял так близко, что каждое слово долетало до меня.

— Вы капитан Западной Красавицы?

Дама говорила по-французски. Капитан научился этому языку в своих сношениях с креолами.

— Я, — отвечал он.

— Я желаю ехать на вашем пароходе.

— Очень буду рад. Кажется, еще осталась одна каюта, мистер Шилли? — обратился капитан к писарю.

— Если и нет каюты, не беда, — перебила дама, — вы доедете до моей плантации до полночи, я не буду спать на пароходе.

Слово плантация, очевидно, произвело эффект на капитана. Он и по природе был человек негрубый, а слово это сделало его еще более внимательным и вежливым. С владельцем Луизианской плантации нельзя обращаться небрежно, но когда вместо владельца молодая и прелестная владетельница, кто может быть не любезен? Уж конечно не капитан Западной Красавицы! Самое название парохода опровергало предположение!

Приятно улыбнувшись, капитан спросил, где он должен высадить свою прекрасную пассажирку.

— В Бренжье, — отвечала дама. — Моя

плантация несколько далее, но наша пристань нехороша; притом со мною груз, который надо оставить в Бренжье.

Дама указала на подводы, нагруженные бочонками и ящиками, тянувшиеся за коляской. Вид груза произвел еще приятнейший эффект на капитана, который был сам один из владельцев парохода. Он рассыпался в предложениях своих услуг, обещая окружить свою новую пассажирку всеми удобствами, каких только она может пожелать.

— Я должна сделать с вами одно условие, капитан, — продолжала прелестная дама, все оставаясь в коляске.

— Извольте сказать.

— Говорят, что ваш пароход будет иметь бег с другим пароходом. Если это правда, я не могу быть вашей пассажиркой.

Капитан смутился.

— Мне уже случилось раз подвергаться опасности, — продолжала дама, — и я решилась вперед не рисковать.

— Милостивая государыня, — пробормотал капитан и остановился.

— О! если вы не можете обещать мне, что бега не будет, я должна ждать другого парохода.

Капитан повесил голову. Он, очевидно, размышлял какой дать ответ. С одной стороны,

отказаться от удовольствия бега, от победы, на которую он надеялся и от ее важных последствий, показать, будто боится попробовать быстроту своего парохода. Боится, что он будет побежден, подать своему сопернику случай для хвастовства и поставить себя в незавидном свете и в глазах своего экипажа и пассажиров, которые все ожидали бега. С другой стороны, отказаться от просьбы дамы — довольно основательной просьбы, особенно когда эта дама владельница большого груза и богатой плантации на «Французском берегу» и может не один раз прислать несколько сот бочонков сахару и табаку на его пароход; эти соображения, вероятно, перевесили все другие, потому что капитан после небольшой нерешимости согласился на просьбу дамы, не совсем любезно, однако. Это, очевидно, стоило ему борьбы, но интерес одержал верх.

— Соглашаюсь на ваше условие. Пароход не будет держать бега. Даю вам обещание.

— *Assez!* благодарю! Я очень вам обязана, капитан. Будьте так добры, прикажите взять мой груз. Коляску тоже. Этот господин — мой управляющий. Сюда, Антоан! Он за всем присмотрит. Когда вы отправляетесь, капитан?

— Через четверть часа, не позже.

— Вы в этом уверены, *mon capitaine*? — осведомилась она со значительной улыбкой, выразившей, что ей было известна неаккуратность

пароходов.

— Совершенно уверен, — возразил капитан, — можете положиться.

— А! если так, я сейчас взойду на пароход.

Говоря таким образом, она легко сошла со ступенек подножки и подала руку капитану, который вежливо проводил ее в дамскую каюту, к великому сожалению восхищающихся глаза, не только моих, но и множества других, любовавшихся на это прелестное явление.

Глава V АНТОАН УПРАВИТЕЛЬ

Я был очень поражен наружностью этой дамы, не столько из-за ее физической красоты — хотя она была очень замечательна — сколько видом, отличавшим ее. Мне было бы трудно описать, в чем заключался этот вид; в ней что-то показывало мужество и самообладание, живость сердца Веселаго как лето, но способного, в случае надобности, выказать удивительную смелость и силу. Эту женщину можно было назвать красавицей во всякой стране, но с ее красотой соединялось изящество и в одежде и в обращении, показывавшие, что она привыкла и к обществу и к свету. Ей казалось не более как лет двадцать. Впрочем, Луизиана климат преждевременный и

креолка в двадцать лет могла бы считаться в Англии десятью годами старше.

Замужняя ли была она? Я не мог этого думать; кроме выражений «моя плантация» и «мой управитель», которые не сказала бы дама, имеющая «кого-нибудь» дома, если только этот кто-нибудь не стоял так низко в ее мнении, что считался «ничем». Она могла быть вдова — вдова очень молодая — но даже и это не казалось мне вероятным. В ней не было развязности вдовы в моих глазах, и ни в ее одежде, ни в ее наружности не было ничего похожего на траур. Капитан называл ее *madame*, но он, очевидно, был незнаком ни с него, ни с французским диалектом.

Как я ни был неопытен в то время — новичок, как сказали бы американцы — я был довольно любопытен на счет женщин, особенно хорошеньких. Мое любопытство в настоящем случае подстрекалось разными обстоятельствами: во-первых, привлекательною миловидностью этой дамы; во-вторых, ее разговором, и теми обстоятельствами, которые она обнаруживала в нем; в-третьих тем, что она была, как мне казалось, креолкой.

Я имел еще мало сношений с людьми этой особенной породы, и мне любопытно было узнать их короче. Я нашёл, что они вовсе не с готовностью растворяют двери иностранцам, особенно

старинное креольское дворянство, которое даже и теперь смотрит на своих англо-американских соседей, как на незваных гостей и самозванцев! Это чувство одно время было глубоко вкоренено. Со временем, впрочем, оно исчезнет.

Четвертая статья, подстрекавшая мое любопытство, заключалась в том, что эта дама, мимоходом посмотрела на меня с особенной проницательностью. Не осуждайте меня слишком опрометчиво за это объявление. Выслушайте меня прежде. Я ни минуты не воображал, будто этот взор выражал восторг. Я не имел подобных мыслей. Я был слишком молод в то время, чтобы льстить себя подобными фантазиями. Кроме того, именно в это время, я был в довольно унылом расположений духа, у меня было всего пять долларов в кармане; как мог я вообразить, чтобы блистательная красавица — звезда первой величины — богатая владетельница, имевшая плантацию, управителя и кучу невольников, могла удостоить своим восторгом такого одинокого беднягу, каким был я?

Право, я не льстил себя подобными мыслями. Я полагал, что это было простое любопытство с ее стороны — ничего более. Она видела, что я был не ее породы. Цвет моего лица, моих глаз, покрой моей одежды, может быть даже что-то неловкое в моем обращении, говорили ей, что я был иностранец, и это возбудило ее интерес на минуту.

Однако это подстрекнуло мое любопытство, и мне захотелось узнать, по крайней мере, имя этого замечательного создания.

«Управитель, — подумал я, — может помочь мне», и я обратился к нему.

Это был высокий, седоволосый, долговязый, старый француз, хорошо одетый, и настолько почтенной наружности, что мог бы быть принят за отца этой дамы.

Я увидел, когда приблизился к нему, что, мол надежда была напрасна. Наш разговор был очень краток, ответы его лаконические.

— Милостивый государь, могу я спросить, кто ваша госпожа?

— Благородная дама.

— Это может сказать всякий, кто имел счастье взглянуть на нее в первый раз. Я спрашиваю об ее имени.

— Зачем вам знать его?

— Разве это секрет?

Старик что-то пробормотал и отвернулся от меня, без сомнения проклиная меня мысленно за то, что я вмешиваюсь не в свое дело.

Имя, однако, я узнал вскоре из самого неожиданного источника. Я воротился в лодку и опять сел под тент, смотря на лодочников, которые, засучив свои красные рукава, своими загорелыми руками таскали груз на пароход. Я видел, что этот

груз был тот самый, который везли на телегах, то есть принадлежал этой даме. Он состоял по большей части из бочонков со свининой и мукой, из множества сухих окороков и мешков с кофе.

— Провизия для ее огромного хозяйства, — думал я.

Несколько разных вещей несли на пароход в эту минуту. Тут были кожаные чемоданы, дорожные мешки, шкатулки, картонки для шляп, и тому подобное.

— Это ее поклажа, — опять я рассуждал сам с собой, продолжая курить сигару.

Глаза мои внезапно упали на билет, прибитый к кожаному чемодану. Я вскочил, и когда его спускали по лестнице, я прочел:

Mademoiselle Eugenie Besanson.

Глава VI

ОТПРАВЛЕНИЕ

Последний колокольчик зазвонил; лестница снята; канат притянут на палубу; машина засвистела; колеса завертелись, вспенивая воду, и огромный пароход выплыл на середину реки, между живописных берегов Миссисипи.

Я сказал «живописных». Это слово меня не удовлетворяет, да я и не могу придумать никакого, которое выразило бы мою мысль. Я должен

употребить фразу «живописно-прелестных» для выражения моего восторга к местоположению этих берегов. Без малейшей нерешимости провозглашаю их прекраснейшими во всей вселенной.

Я смотрю на них не простым холодным взглядом. Я не могу отделить местоположение от воспоминаний, соединяющихся с ним, воспоминаний не о прошлом, а о настоящем. Я смотрю на разрушенные замки Рейна, и история их внушает мне чувство отвращения к тому, что было. Неаполитанский залив внушает мне подобное же чувство.

Здесь, на берегу этой величественной реки, я вижу богатство в широких размерах, комфорт. Здесь, почти в каждом доме, встречаю я утонченный вкус цивилизации, гостеприимство щедрых сердец, соединенное с возможностью оказывать его. Вдруг мрачная тень пробегает мимо глаз моих, сердце вдруг пронзает внезапная боль. Это тень человеческого существа с чёрной кожей. Она невольник!

С минуту или две все местоположение помрачилось! Чем здесь восхищаться, на этих полях золотисто-сахарного тростника, волнующегося сарачинского пшена, или белоснежно-хлопчатой бумаги? Чему удивляться в этих огромных замках, с их оранжереями, с их цветниками, с их тенистыми деревьями, с их

прелестными боскетами? Все это орошено потом невольников.

Ах! как приятно забыть эти тягостные места, и просто любоваться природою. Какое наслаждение рассматривать разные формы, представляющиеся глазам моим на берегах этой великолепной реки! и даже теперь, когда мечтаю о них далеко, далеко, и, может быть, никогда более не увижу их, меня утешает верная память, волшебно вызывающая перед глазами души моей их яркий, изумрудный и золотистый колорит!

Глава VII ЭЖЕНИ БЕЗАНСОН

Я не забыл Эжени Безансон. Время от времени ее гибкая фигура мелькала перед моим воображением. С любопытством отправился я в каюту взглянуть на эту интересную особу.

Дверь в дамскую каюту была заперта, и хотя в главной каюте было несколько дам, креолка не находилась в их числе. Дамская каюта — место священное, куда холостяки впускаются только когда пользуются счастьем иметь там знакомую, и то в известные часы.

А из ста пассажиров, находившихся на пароходе, я не знал ни души, ни мужской, ни женской, и имел счастье или несчастье равномерно

быть неизвестным им. При подобных обстоятельствах, мой вход в дамскую каюту был бы принят за дерзость; и я сел в главной каюте, и занялся изучением физиономий моих спутников.

Тут была всякая всячина: богатые купцы, банкиры, комиссионеры из Нового Орлеана, с женами и дочерьми, спешившие, по обыкновению, убежать от жёлтой лихорадки в какое-нибудь место с модными купаньями. Были тут и плантаторы хлопчатой бумаги и пшеницы, возвращавшиеся домой из верхних городов. Были тут и креолы, старые виноторговцы из французского квартала, со своими семействами. Были и богато одетые джентльмены, в чистейшем белье и тончайшем сукне, с брильянтовыми пуговицами на манишке, и с толстыми кольцами на пальцах.

Между ними я заметил человека, который громко вызывал меня на пари о беге пароходов. Он прошёл мимо меня несколько раз, бросая на меня вовсе не дружелюбные взгляды.

Приятель мой, управитель, сидел тоже в главной каюте.

Вы не должны предполагать, что его должность лишала его преимущества занимать первоклассную каюту. На американском пароходе нет «второклассной главной каюты». Такое различие неизвестно на Миссисипи.

Управители плантаций обыкновенно люди

грубого и жестокого характера. Самая их должность делает их такими. Этот француз, однако, казался исключением. Он имел вид очень почтенного старика. Мне нравилась его наружность, я даже заинтересовался им, хотя он, казалось, вовсе не платил мне взаимностью.

Кто-то пожаловался на комаров, и посоветовал отворить дверь в дамскую каюту. Это подхватили многие другие, и дамы и мужчины. Обратились к капитану. Он дал позволение, и ворота пароходного эдема растворились. Результатом был порыв воздуха, который пронесся по главной каюте, и через пять минут не осталось ни одного комара. Это было большим облегчением.

Двери дамской каюты оставались отворенными, это было приятно для всех, но особенно для щегольски одетых джентльменов, которым видна была вся внутренность гарема. У некоторых, казалось, были там знакомые, хотя недостаточно короткие, чтобы дать им право войти. Другие надеялись познакомиться, если представится случай. Я уловил выразительные взгляды, а иногда улыбку. Много приятных мыслей передаются без слов. Язык часто разочаровывает. Я знал, что он испортил много любовных планов, безмолвно задуманных.

Меня забавляла эта немая пантомима, и несколько минут я смотрел на лес. Глаза мои, время

от времени, устремлялись в дамскую каюту отчасти из простого любопытства. Я имел привычку к наблюдению. Все новое интересовало меня, а эта каютная жизнь, на американском пароходе, была совершенно нова для меня. Я желал изучить ее. Я желал также взглянуть еще раз на молодую креолку Безансон.

Мое желание, наконец, исполнилось. Я увидел ее. Она вошла в главную каюту грациозно и весело. Теперь она была без шляпки, и ее великолепные волосы были зачесаны *a la chinoise*. Эта креольская мода очень шла к ее благородному лбу и гибкой шее. Белокурые волосы при белизне лица, хотя редко, однако иногда встречаются у креолок. Но обыкновенно они смуглы и с чёрными волосами, так что Эжени Безансон была замечательным исключением.

Черты ее выражали веселость, однако нельзя было не заметить, что под этой легкомысленной оболочкой скрывалась твердость характера. Фигура ее была выше критики, а лицо, хотя красоты не выразительной, привлекало внимание необыкновенной миловидностью.

Она, очевидно, знала некоторых пассажиров, по крайней мере, разговаривала с ними с непринужденной свободой. Женщины редко выказывают замешательство между собою, француженки же никогда.

Я заметил, что ее каютные спутницы смотрели на нас с уважением. Может быть, они уже узнали, что красивая карета с лошадьми принадлежала ей. Это было очень, очень вероятно!

Я продолжал смотреть на эту интересную даму. Девушкой я назвать ее не мог, потому что хотя она была довольно молода, она имела вид опытной женщины. Она выказывала совершенную непринужденность и развязность во всем.

«Какой беззаботный вид, — думал я. — Эта женщина не влюблена!»

Не знаю, зачем я делал эти размышления, и даже почему эта мысль была приятна мне. Почему? Эта дама не была для меня ничем, она была гораздо выше меня. Я едва осмеливался глядеть на нее. Я считал ее каким-то высшим существом. Притом, через час наступит ночь, а она должна сойти на землю ночью; я никогда не увижу ее опять! Однако я буду думать о нем час или два, может быть целый день, тем долее, чем долее теперь просижу, смотря на лес! Я сам сплел для себя сети, сам навлекаю на себя тоску, которая может продолжиться еще несколько времени после ее отъезда.

Я решил удалиться от ее чарующего влияния, бросить последний взгляд на прелестную креолку и уйти.

Именно в эту минуту она бросилась на длинное кресло, обнаружив всю гибкость своего

стана. Она сидела теперь прямо против меня, и глаза ее в первый раз остановились на мне. Боже! она смотрит на меня, так же как и прежде! Что значит этот странный взгляд? эти сверкающие глаза? Пристально оставались они устремленными на меня несколько минут.

Я был слишком молод, чтобы понять выражение этих глаз. Я мог бы объяснить его впоследствии, но не тогда.

Наконец она встала с кресла с видом беспокойства, как будто недовольная собою или мной, и ушла в свою каюту. Чем я оскорбил ее? Кажется ни словом, ни взглядом, ни движением. Я не говорил ни слова, я не шевелился, а мои робкие взгляды уже наверно не показывали грубость.

Меня очень удивило поведение Эжени Безансон. И в полной уверенности, что я никогда не увижу ее более, я вышел из каюты на палубу.

Глава VIII

НОВЫЙ СПОСОБ УВЕЛИЧИВАТЬ ПАРЫ

Время клонилось к закату; великолепное солнце спускалось за темный кипарисовый лес, опоясывающий западный горизонт, и желтоватый блеск падал на реку. Прохаживаясь взад и вперед по палубе, я с восторгом смотрел на эту великолепную сцену.

Моя мечтательность была прервана. Я увидел, что за нами быстро шел огромный пароход. Густой дым и красные искры показывали, что он идет на всех парах. По всему было видно, что это пароход первоклассный. Действительно, это была «Магнолия». Она шла очень проворно, и я скоро заметил, что она быстро догоняет нас.

В эту минуту до слуха моего долетали разнообразные звуки из каюты, громкие голоса, топанье ногами, и восклицание женщин.

Я понял, что это значит. Приближение соперника парохода было причиною этой суматохи.

До сих пор о беге пароходов почти совсем забыли. Между пассажирами разнеслось, что капитан не намерен «бежать», и хотя это сначала громко порицали, по экипаж занялся своей работою — картежники своими картами — и все пассажиры вообще, иди своими чемоданами или газетами. Так как другой пароход отправлялся не в одно время с нами, так как его до сих пор не было видно, то и соперничество было забыто.

Появление Магнолии произвело внезапную перемену. Игроки швырнули карты в надежде, что будут пари поинтереснее; читающие закрыли книги и отложили в сторону газеты; убиравшие в своих чемоданах захлопнули крышки, все выбежали из кают и столпились на палубе. Я сошёл в главную каюту, она была пуста. Капитан стоял под тентом.

Его окружала толпа пассажиров, которые уговаривала его «прибавить паров». Капитан не соглашался. Но к нему приставали со всех сторон, упрашивая «ради Бога не дать Магнолии перегнать нас».

— Если Красавица, — кричал один, — отстанет, ей не придется опять ходить по этой реке.

— Конечно! — прибавил другой, — я уж в следующий раз непременно поеду на Магнолии!

— Магнолия самый скорый пароход! — заметил третий.

Дамы так же интересовались бегом, как и мужчины. Я слышал, как многие выражали желание, чтобы бег состоялся. Все забывали об опасности; и мне кажется, что если бы в эту минуту стали собирать голоса, то едва ли оказалось бы три голоса против бега. Признаюсь, я сам подал бы голос за бег, я заразился общею заразой и забыл об опасности.

Волнение увеличилось при приближении Магнолии. Было очевидно, что через несколько минут она перегонит нас. Эта мысль была нестерпима для некоторых пассажиров; слышались гневные восклицания. Бедный капитан должен был переносить все это — только он один был против бега.

Магнолия уже подходила к нам и, очевидно, приготавлилась обогнать нас!

Экипаж ее деятельно суетился; оба лоцмана стояли у руля, густой дым валил из трубы, можно было подумать, что на ней пожар!

— Они сжигают окорока! — закричал чей-то голос.

— Смотрите! — вскричал другой, — какая грудa окороков лежит у печки!

Я повернул глаза в ту сторону. Это было справедливо. Целая пирамида каких-то темных предметов лежала на палубе. Их величина, форма и цвет показывали, что это были окорока. Кочегары брали их из груды и бросали в красную раскаленную печь!

Магнолия все к нам приближалась. Уже нос ее поравнялся с рулем Красавицы. У нас увеличилось волнение и шум.

Насмешки пассажиров на Магнолии раздували еще пламя, к капитану опять пристали, и даже угрожали ему насилеиeм!

Магнолия продолжала приближаться. Она поравнялась с нами. Прошла еще минута — минута глубокого безмолвия — экипаж и пассажиры на обоих пароходах были так внимательно заняты, что не находили слов для выражения. Еще минута — и Магнолия нас обогнала!

Торжествующий крик раздался с палубы Магнолии.

— Молодец Магнолия! Дрянь Западная

Красавица! Старая баба! — ревели на палубе Магнолии среди громкого хохота.

Не могу описать досады на нашем пароходе. Не только офицеры и экипаж, но все пассажиры разделяли это чувство. Я сам заразился им, даже более, нежели считал бы это возможным.

И экипаж и пассажиры находили, что благоразумие капитана неблагоразумно, и общий крик «стыдно!» слышался по всему пароходу.

Бедный капитан! Я не спускал с него глаз. Мне было жаль его. Я был, может быть, единственный пассажир на пароходе, кроме прелестной креолки, знавшей его тайну, и не мог не восхищаться его рыцарской твердостью, с какой он скрывал ее. Я видел, как щеки его покраснелись, а глаза сверкали от досады, и я был уверен, что если бы это обещание взяли от него теперь, то он не дал бы его даже за привилегию везти весь груз на своем пароходе.

Я видел, как он прошёл в дамскую каюту, вероятно для того, чтобы избавиться от докучливости, осаждавшей его со всех сторон. Там к нему пристали пассажирки. Одни со смехом угрожали ему, что они никогда более не поедут на его пароходе; другие обвиняли его в недостатке любезности. Невозможно было устоять против подобных нападков. Я пристально смотрел на капитана, ожидая кризиса. Кризис был под рукой.

— Милостивые государыни! — обратился он, наконец, к дамам, — ничто не доставило бы мне более удовольствия как исполнить ваше желание, но до отъезда из Нового Орлеана, я дал обещание — даже честное слово одной даме...

Тут его прервала молодая девушка, которая прибежала крича:

— О! капитан, любезный капитан! не позволяйте этому гадкому пароходу перегнать нас! прибавьте паров и перегоните Магнолию — пожалуйста, любезный капитан!

— Как! — возразил капитан с удивлением, — ведь я дал вам обещание...

— Да! — вскричала Эжени Безансон, — это была она — но я забыла. О! любезный капитан, я снимаю с вас это обещание. Увы! надеюсь, что еще не поздно. Ради Бога, постарайтесь обогнать ее! Послушайте, как эти негодяи дразнят нас!

Лицо капитана просияло на минуту, потом вдруг приняло опять раздосадованное выражение. Он отвечал:

— Хотя я признателен вам, но с сожалением должен сказать, что я не могу поддерживать успешный бег против Магнолии. Она топит окороками, которых у нее большой запас, но обещав вам не бежать, я, разумеется, не взял окороков с собой. Бесполезно решиться на бег с обыкновенными дровами, если только Красавица не

скорее на ходу, а это нам неизвестно, так как мы еще никогда не пробовали всех паров.

— Огорока! — вскричала Эжени Безансон, — вы сказали окорока, любезный капитан? Довольно будет двухсот?

— О! еще менее, — отвечал капитан.

— Антоан! Антоан! — обратилась Эжени к старому управителю, — сколько окороков взято с нами?

— Десять бочонков, — отвечал управитель, почтительно кланяясь.

— Десять бочонков! этого будет довольно, я полагаю? Любезный капитан, они к вашим услугам.

— Я заплачу за них, — отвечал капитан, — просияв и заразившись общим энтузиазмом.

— Нет! нет! нет! Пусть издержка будет моя. Я вам помешала. У нас в окороках недостатка нет. Антоан! отдайте бочонки кочегарам! Капитан, сделайте с окороками, что хотите, но не позволяйте этой гадкой Магнолии обогнать нас! Послушайте, как они кричат! Но мы еще обгоним их.

И креолка бросилась на палубу, а за нею толпа поклонников.

История об окороках скоро разнеслась по всему пароходу. Громкие крики приветствовали молодую девицу, которая давала средства победить Магнолию, уже наслаждавшуюся своим триумфом, и значительно нас опередившую.

Все руки принялись за работу — катили бочонки, раскрывали их и бросали окорока в горящую печь. Железные стены скоро раскраснелись, пары поднялись, пароход затрясся от ускоренного действия машины, колеса завертелись быстрее, и настала тишина. Слышались только изредка восклицания — выражение мнения насчет скорости обоих пароходов, делались пари, а иногда намекали на историю об окороках.

Время от времени, глаза всех устремлялись на воду, с нетерпением глядя на линию, разделявшую пароходов-соперников.

Глава IX

БЕГ НА МИССИСИПИ

Совсем стемнело. На небе не было ни луны, ни звезд. Ясное небо над нижней областью Миссисипи бывает редко ночью.

Однако было довольно светло для бега. Жёлтая вода сияла. Легко было различить ее от земли. Путь был широкий и лоцманы на обоих пароходах знали каждую мель в реке.

Пароходы-соперники были видны один другому. Не надо было навешивать фонари, но окна обеих кают были освещены, а пламя от горящих окороков бросало яркий свет на воду.

На каждом пароходе можно было видеть

зрителей другого парохода, выглядывавших из окон кают, или облокотившихся на борт, в позах, показывавших их интерес.

В то время когда на Красавице прибавили паров, Магнолия опередила ее уже на полмили. Это расстояние ничего не значит там, где есть большая разница в скорости хода, но с ним нелегко поравняться, когда скорость парохода одинакова. Прошло много времени, однако, прежде чем мы могли удостовериться, догоняет ли Красавица свою соперницу, пассажиры делали вопросы экипажу, и догадки беспрестанно повторялись об этом интересном вопросе.

Наконец капитан уверил нас, что мы уже выиграли несколько сот ярдов. Это произвело общую, хотя не всеобщую радость, потому что на Красавице находились такие дурные патриоты, которые рискнули своими долларами за Магнолию.

Через час стало ясно для всех, что наш пароход догоняет Магнолию. Нас разделяла только четверть мили. Случай не пропустили отплатить магнолианцам за хвастовство. Насмешки и угрозы возвращались к ним с лихвой.

— Есть у вас какое-нибудь поручение в Сен-Луи? Мы едем туда и с удовольствием отвезем, — кричал один.

— Да здравствует Красавица! — ревел другой.

— Не вышли ли у вас окорока? — спрашивал

третий. — Мы можем дать вам несколько, если у вас нет.

Время приближалось к полночи, и ни одна душа на пароходе не думала идти спать. Интерес бега преодолел сон, и мужчины и женщины беспрестанно выходили из кают посмотреть на успех. Волнение новело к пьянству, и я заметил, что многие пассажиры уже порядком напились. И офицеры, и капитан также подражали им, осторожность исчезла с парохода.

Среди глубокой, полуночной темноты летели пароходы. Только двести ярдов разделяло Красавицу от Магнолии. Менее чем через десять минут она перегонит Красавицу! а через двадцать крики победы разнесутся с ее палубы до берегов!

Я стоял возле капитана, смотря на него не без озабоченности. С сожалением видел я, что он так часто ходит в буфет.

Он подошёл к рулю и начал смотреть вперед. Огни сверкали на правом берегу реки, за милю от нас. Увидев их, он вздрогнул и вскричал:

— Это Бренжье!

— Да, — отвечал лоцман. — Скоро же мы добрались до него.

— Великий Боже! я должен бросить бег.

— Как? — спросил лоцман, не понимая его, — какое имеет это отношение?

Я должен здесь остановиться. Я должен —

должен — должен высадить ту даму, которая дала нам окорока!

— Жаль! — возразил флегматически лоцман. — Но если уж надо, так надо. Экое несчастье! А мы обогнали бы Магнолию через четверть часа. Экое несчастье!

— Надо бросить, — сказал капитан. — Повороти.

Сказав это, он поспешил вниз. Приметив его волнение, я пошел за ним.

Между дамами, находившимися в каюте, была креолка.

— Мы все-таки должны отказаться от бега, обратился к ней капитан.

— Почему? — спросила она с удивлением, — разве окороков было не довольно. Антоан! вы отдали все?

— Нет, не то, — отвечал капитан, — не эта причина, благодаря вашему великодушию. Вы видите эти огни?

— Да — так что ж?

— Это Бренжье!

— О! неужели, неужели?

— Да — и вам надо выйти здесь.

— И таким образом вы должны отказаться от бега?

— Конечно.

— Так, разумеется, я здесь не выйду. Что для

меня значит один день? Я не так стара, чтобы пожалеть один день. Ха-ха-ха! Вы не откажетесь от вашего бега, и от репутации вашего прекрасного парохода из-за меня. Не думайте о том, чтобы останавливаться для меня, любезный капитан! Везите меня дальше. Я могу воротиться утром!

Громкие крики приветствовали эти слова, и капитан, бросившись к лоцману, отменил свое последнее приказание.

Красавица летит вперед, нагоняя свою соперницу. Ближе и ближе подвигается она — наконец они рядом!

Она впереди — капитан махает шляпой — и раздаются крики торжества!

Едва первые звуки этих криков разнеслись в полночном воздухе, как их прервал взрыв, потрясший воздух, воду и землю! Обломки дерева, люди полетели кверху, дым наполнил воздух, и дикий крик отчаяния раздался в темноте ночной!

Глава X **СПАСИТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД**

Потрясение, не похожее ни на что о чем я слышал, показывало свойство катастрофы. Я тотчас убедился, что котел лопнул: так оно и было.

В эту минуту я случайно держался за регели — а то и я полетел бы вместе с другими.

Сам не зная, что я делаю, я бросился в главную каюту. Там я остановился и огляделся вокруг. Вся передняя часть парохода покрыта дымом, и уже горячий пар пробивался в каюту.

Опасаясь сгореть, я бросился на палубу, но по счастливой случайности пароход шёл кормою к ветру, который разносил прочь эту опасную стихию.

Машина молчала, колеса перестали вертеться, труба не бросала уже искр, но зато крики людей, ругательства, проклятия, пронзительные крики женщин, стоны раненых и утопавших — все страшно раздавалось в ушах.

Дым отчасти рассеялся, и я мог рассмотреть переднюю часть парохода. Совершенный хаос поразил мои глаза. Буфет со своими принадлежностями, тент, штирборд с рулем были снесены, а огромные железные трубы повалились на палубу! С первого взгляда убедился я, что капитан, лоцманы, все, кто только находился на этой части парохода, должны были погибнуть!

Разумеется, подобные размышления пробежали в голове моей с быстротой молнии. Я чувствовал, что я был не поврежден, и первая естественная мысль моя была о сохранении моей жизни. У меня осталось настолько присутствия духа, чтобы сознавать, что нечего, опасаться второго взрыва, но я заметил, что пароход был

поврежден до такой степени, что наклонился на один бок. Как долго будет он плавать?

Едва я задал себе этот вопрос, как мне дам был ответ, голосом, закричавшим с ужасом:

— Великий Боже! пароход идет ко дну!

Это известие сопровождалось криком «пожар!» и в ту же минуту яркое пламя взвилось к небу!

Мысли оставшихся в живых обратились на Магнолию. Я взглянул на этот пароход, и увидел, что он старается всеми силами обогнать нас, но был еще за несколько сот ярдов! Вследствие того, что Красавица повернула несколько к Бренжье, оба парохода, хотя были рядом в минуту взрыва, однако были отделены один от другого широкою полосой воды. Магнолия казалась от нас за четверть мили, и было очевидно, что довольно много времени должно пройти, прежде чем она подоспеет к нам. Продержится ли Красавица так долго?

С одного взгляда я убедился, что это невозможно. Я чувствовал, как она опускается под моими ногами мало-помалу, и пламя уже угрожало задней части парохода, пожирая главную каюту с такою быстротой, как будто она была изо льна! Нельзя было терять ни минуты: мы должны были непременно или броситься добровольно в воду, или пойти ко дну с утопающим пароходом или сгореть. Одно из трех было неизбежно!

Вы, может быть, вообразите, что я находился в чрезвычайном ужасе в эту минуту? Однако это было не так. Я нисколько не опасался за свою безопасность, не оттого, чтобы я имел необыкновенное мужество, но просто потому, что я доверял моим ресурсам. Хотя порядочно беззаботный по характеру, я никогда не был фаталистом. Я не раз спасал мою жизнь присутствием духа и ловкостью. Зная это, я освободился от суеверия и фатализма, и принимал предосторожности против опасности.

В моем чемодане я всегда возил с собою спасительный снаряд. Обвязать его вокруг тела — дело одной минуты, а с ним нечего бояться плыть по самой широкой реке, и даже в море. Вот что, а совсем не необыкновенное мужество поддержало меня.

Обвязав его, я решил не выходить из каюты до тех пор, пока пароход не погрузится ближе к поверхности воды. Он погружался быстро, и я был убежден, что мне недолго придется ждать.

Я запер изнутри дверь, для того, чтобы меня не видели пораженные ужасом пассажиры, бегавшие взад и вперед как привидения, потому что я боялся их, а не воды. Я знал, что если они увидят мой спасительный снаряд, меня в одно мгновение окружит толпа — и спастись подобным образом будет решительно невозможно. Десятки захотят

последовать за мною в воду, ухватятся за мои члены, потащат меня, в своем отчаянном усилии, ко дну.

Глава XI РАНА

Не прошло и нескольких секунд, как я услышал голоса за дверью: говорила креолка со своим управителем.

Это помогло назваться разговором, но восклицаниями, исполненными ужаса. Старик собрал несколько стульев, и трепещущими руками старался связать их, с намерением сделать паром. У него не было веревок, кроме носового платка и длинных толковых лоскутков, которые его молодая госпожа отрывала от своего платья! Паром, если бы и был окончен, не мог бы сдержать и кошки. Это было только усилием утопающего «ухватиться за соломинку». Я увидел тотчас, что это не дало бы никому из них ни одной лишней минуты жизни. Стулья были из тяжёлого розового дерева, и, может быть, тотчас пошли бы ко дну!

Эта сцена произвела на меня неописано странное впечатление. Я чувствовал, что для меня наступает кризис. Я должен был выбирать между эгоизмом и самопожертвованием. Если бы последнее не оставляло мне никакой возможности

спасти мою собственную жизнь, я боюсь, что повиновался бы «первому закону природы»; но я уже говорил, что в сохранении своей жизни я был уверен; вопрос состоял в том, возможно ли мне было спасти также и эту даму?

Я рассудил быстро таким образом. Спасительный снаряд очень мал и не поддержит нас обоих! Что, если я надену его на нее, а сам буду плыть возле! Плаваю я хорошо. Далеко ли до берега?

Я посмотрел. Яркое пламя на пароходе широко освещало воду. Я мог ясно видеть темные берега. Они находились за четверть мили от парохода, и между ним и берегом было очень быстрое течение.

«Конечно, я могу переплыть это расстояние! — думал я, — но утону я или переплыву, а все-таки постараюсь спасти ее!»

Не буду отпираться, что к этим лучшим побуждениям примешивалась маленькая французская любезность. Если бы Эжени Безансон была стара и дурна, а не молода и прелестна, я думаю, то есть я боюсь, что я предоставил бы ее Антоану и его парому из стульев! Теперь же я решился, и не имел времени размышлять о причинах.

— Мадмуазель Безансон! — закричал я за дверью.

— Кто-то меня зовет! — сказала она вдруг, обернувшись. — Боже мой! кто это?

Тот, кто...

— Нет! — пробормотал сердито старый управитель, думал, что я хочу попасть на его паром, — нет! двух он не сдержит, милостивый государь.

— Не сдержит даже и одного, отвечал я. — Мадмуазель Безансон, продолжал я, — эти стулья ни к чему не годятся, они только скорее утопят вас; вот, возьмите это! это спасет вашу жизнь.

Я подал ей спасительный снаряд.

— Что это такое? — спросила она торопливо; потом, догадавшись, продолжала, — нет, нет, нет! Вы сами, вы сами!

— Я думаю, что могу доплыть до берега и без этого. Возьмите! Скорее! скорее! времени нельзя терять. Минуты через три пароход пойдет ко дну. Другой еще не подошел, притом он может быть испугается пожара! Посмотрите, пламя подходит сюда! скорее!

— Боже мой! — Боже мой! — великодушный незнакомец...

— Скорее в воду! Не бойтесь! держитесь подальше от парохода! не бойтесь! Я сейчас плыву за вами!

Девушка отчасти от страха, отчасти поддавшись моим убеждениям, прыгнула в воду, и через минуту я увидел ее белую одежду на

поверхности волн.

В эту минуту кто-то схватил меня за руку. Я обернулся. Это был Антоан.

— Простите меня, благородный юноша! простите меня! — кричал он, и слезы струились по его щекам.

Я хотел отвечать ему, но в эту минуту я заметил человека, стоявшего на том самом месте, откуда девушка бросилась в воду. Я видел, что глаза его устремлены на спасительный снаряд! Намерение его было очевидно.

Только что он хотел прыгнуть в воду, я схватил его заворот и оттащил назад. Лицо его осветило пламя, и я узнал моего забияку.

— Не торопитесь, сэр! — сказал я, все еще держа его.

Он отвечал мне страшным ругательством, и в его приподнятой руке сверкнул кинжал! Это оружие явилось так неожиданно, что я не успел уклониться от удара, и в одно мгновение почувствовать холодную сталь в руке моей; но прежде чем злодей успел повторить удар, я так стукнул его под подбородок, что он полетел через стулья, выронив свой нож. Я подхватил его и с минуту колебался, воткнуть ли его в злодея, но лучшие чувства преодолели мое бешенство, и я швырнул оружие в реку, и сам бросился в воду. Я не мог медлить, Пламя дошло почти до самого того

места, где находились мы, и жара выносить было нельзя. Последний взгляд на это место показал мне, что Антоан и мой противник боролись между стульями!

Белая одежда служила мне маяком, я поплыл за нею.

Второпях я сбросил с себя сюртук и сапоги, и остальная моя одежда не мешала мне. Плывая, я время от времени оборачивался, опасаясь, не плывет ли за мной злодей, и укреплялся для борьбы в воде!

Через несколько минут я догнал мою протезе, и со словами одобрения я обхватил ее одной рукою, а другою направлялся к берегу.

Как долго и томительно казалось мне это плавание. Наконец мы приблизились к берегу, но силы мои ослабели, и левая рука моя сжимала мою спутницу с каким-то судорожным усилием.

Я помню, однако, что я вскарабкался на берег вместе с моей спутницей! Я помню, что видел большой дом прямо перед тем местом, где мы пристали, я помню, что слышал слова:

— Как это странно! это мой дом...

Я помню, как меня вела по дороге чья-то рука, как я вошёл в ворота, в сад, где были скамейки, статуи, цветы; я помню, как слуги выбежали из дома со свечами, как руки мои были облиты кровью; я помню, как женский голос закричал:

— Ранен!

Затем раздался дикий крик, и я ничего не помню более.

Глава XII ГДЕ Я?

Когда я опомнился, яркое солнце обливало золотистым блеском пол моей комнаты; по диагональному наклонению лучей я мог заметить, что или было очень рано утром, или близь заката солнца. Слышалось пение птиц.

«Должно быть, утро», — рассуждал я.

Я заметил, что лежу на щегольской кушетке без занавесок, но вместо них полог от комаров спускал свою нежную ткань надо мною и вокруг меня. Белоснежная простыня, шёлковое одеяло, мягкий тюфяк говорили мне, что я лежу на роскошной постели. Если бы не чрезвычайное изящество во всем, я, может быть, не заметил бы этого, потому что проснулся с сильной телесной болью.

Происшествия прошлой ночи быстро проходили одно за одним в моем воспоминании. Но после того как я вышел на берег из воды, я не мог вспомнить ни о чем ясно. Дом, сад, деревья, цветы, статуи, негры, все смешивалось в моей голове.

В моем воспоминании осталось впечатление

между всей этой путаницей, лица необыкновенной красоты — лица хорошенькой девушки! Действительное ли было это лицо, или только видение мечты, я сказать не мог, однако его очертания находились все передо мною так ясно, что если бы я был художник, я мог бы набросать их на бумагу! Я помнил только одно лицо — и ничего более. Странно, воспоминание мое представляло мне это лицо совсем не похожим на лицо Эжени Безансон!

Был ли кто-нибудь на пароходе, похожий на мою мечту? Нет, никто. Никем я не интересовался там, кроме креолки; но черты, представляемые мне моим воображением, или воспоминанием, совсем не походили на нее!

Перед моими глазами мелькали густые, чёрные волосы, падавшие локонами на плечи, мелькали черты достойные резца скульптора, рот с нежными розовыми губами, прямой нос с маленькими ноздрями, мирные брови дугой, длинные ресницы, все это живо являлось передо мной, и вовсе не походило на черты Эжени Безансон. Даже цвет лица был совсем другой: не та белизна, которая отличала креолку, но цвет такой же чистый, хотя с примесью самой легкой смуглоты, придававшей густой румянец щекам. Глаза я помню лучше всего. Они были большие, круглые и темно-карие, но особенность их состояла

в странном, но привлекательном выражении. Блеск их был чрезвычайный, но они совсем не сверкали, а скорее как будто горели.

Несмотря на боль, которую я чувствовал, несколько минут я размышлял об этом прелестном портрете, спрашивая себя, воспоминание это или мечта. Странное размышление пробежало в моей голове. Я не мог не подумать, что если бы подобное лицо существовало действительно, я мог бы забыть Эжени Безансон, несмотря на романическое приключение, познакомившее нас!

Боль в руке, наконец, рассеяла прелестное видение и напомнила мне мое настоящее положение. Отбросив одеяло, я заметил с удивлением, что рана была перевязана и, очевидно, доктором! Удостоверившись в этом, я осмотрелся кругом.

Комната была не велика, но меблирована со вкусом и изяществом. Пол покрыт тонкою и разноцветною циновкой, на окнах были занавески шёлковые и кисейные. Великолепный стол стоял посреди комнаты, другой у стены со всеми письменными принадлежностями, и висела полка с большой коллекцией книг. Красивые часы украшали камин, а у решётки его лежали щипцы и кочерга с серебряной насечкой. Разумеется, огня в камине не было в это время года. Жарь их без того был бы велик, если бы открытая большая

стеклянная дверь с одной стороны, а окно с другой, не пропускали воздуха сквозь тонкую ткань моего полога.

Ветерок доносил благоухание цветов. И в Дверь и в окно я мог видеть белые и розовые розы, редкие камелии, жасмины, мог слышать голоса птиц и тихое, однообразное журчание падающей воды. Это были единственные звуки, доходившие до ушей моих.

Один ли был я? Я осмотрелся вокруг комнаты. Ни одно живое существо не попало мне на глаза.

Я был поражен особенностью той комнаты, которую я занимал. Она стояла совсем отдельно и не сообщалась ни с какою другой! Единственная дверь, которую я видел, отворялась в сад.

Это сначала казалось странно, но минутное размышление объяснило все. На американских плантациях обыкновенно бывает павильон, отдельный от главного здания, и часто меблированный с комфортом и роскошью. Туда обыкновенно помещают гостей. Может быть, я находился в главном павильоне.

Во всяком случае, я был в гостеприимном доме и в хороших руках, это было очевидно. Но кто был мой хозяин или хозяйка? не Эжени ли Безансон? Кажется, она сказала что-то об ее доме? или это только пригрезилось мне?

Я лежал и делал предположения, и от слабости мне сделалось досадно, что я совсем один. Я позвонил бы, но колокольчика не было под рукой. Вдруг я услышал приближающиеся шаги.

Романическая девица! Вы вообразите, что эти шаги были легки и нежны, что маленькая ножка в атласных туфлях украдкой пробиралась к спящему больному, чтобы не разбудить его, и что среди пения птиц, журчания воды, благоухания цветов, прелестное лицо с нежными, великолепными глазами явилось, в дверях, и бросило на меня робкий вопросительный взгляд. Если бы вы вообразили все это, ваша мечта вовсе не походила бы на действительность.

Шаги, услышанные мною, производились толстыми кожаными сапогами, и, подняв глаза, я заметил в дверях широкую грудь, покрытую ситцевой рубашкой, огромные руки и курчавую голову негра!

Несмотря на боль, я не мог удержаться от громкого смеха, до того физиономия этого чёрного посетителя была непреодолимо смешна.

Это был высокий и толстый негр, чёрный как уголь, с великолепными белыми зубами, белыми глазами, исключая зрачков. Но не это показалось мне смешным, а особенная форма его головы и величина его ушей. Голова была кругла как шар, и густо покрыта курчавыми чёрными волосами,

из-под которых торчала пара огромных ушей, походивших на крылья, и придававших голове необыкновенно смешной вид.

Как ни неприличен был мой смех, но я никак не мог удержаться. Мой посетитель, однако, нисколько не обиделся. Напротив, он раскрыл свои толстые губы и, обнаружив свои великолепные зубы, начал хохотать так же громко как и я.

Глава XIII СТАРЫЙ СЦИПИОН

Старый Сципион рад, что вы остались живы... начал он.

— Неужели? это вас так зовут?

— Да! доктор велел мне ухаживать за милым джентльменом. И барышня будет рада также! и белые и чёрные люди все будут рады. Уф!

Окончательное восклицание произносится особенным тоном американским негром, и очень походит на фыркanye бегемота. Оно значило, что мой собеседник кончил свою фразу, и ждет, чтобы заговорил я.

— А кто эта молодая барышня? — спросил я.

— Неужели вы не знаете? Та самая, которую вы вытащили с парохода, когда горело все. Эге! как вы пырнули. Уф!

— Я в ее доме?

— Конечно — то есть, в летнем павильоне, потому что большой дом по другую сторону сада.

— А как я сюда попал?

— Неужели вы не помните? Старик Сципион принес вас на руках. Вы с барышней выброшены были на берег возле самых ворот. Барышня закричала, чёрные люди прибежали. — Милый барин был весь в крови — он был без чувств, барышня велела отнести его к себе домой.

— А после?

Старик Сципион сел на самую прыткую лошадь, на Белую Лисицу, и поскакал за доктором разумеется, доктор приехал, с ним и перевязал вашу руку. Но, — продолжал Сципион, обратив на меня вопросительный взгляд, — как барин получил такую рану? Об этом спрашивал доктор, а барышня не могла ему объяснить.

По некоторым причинам я не хотел удовлетворять любопытство моей чёрной сиделки. Точно, Эжени не знала о моей схватке с забиякой. Но Антоан? Разве он не выплыл на берег? Неужели он?

Сципион предупредил вопрос, который я собирался ему сделать. Лицо его сделалось грустно, когда он сказал:

— Ах, сударь! барышня очень огорчена сегодня — все огорчены. Барин Том, бедный Том!

— Управитель Антоан? Что с ним? он не

воротился домой?

— Нет, и я боюсь, что он не воротится никогда — никогда! все боятся, что он утонул: его искали везде. Не нашли. Капитан парохода взлетел на воздух, пятьдесят пассажиров пошли ко дну.

— Вы знаете, умел он плавать?

— Нет, ни крошечки. Я это знаю, потому что он один раз упал в воду, и я вытащил его. Нет, он плавать не умел.

— Если так, я боюсь, что он погиб.

Я вспомнил, что крушение случилось перед тем как Магнолия поравнялась с нами. Я это заметил, когда оглядывался кругом. Стало быть, те, которые не умели плавать, должны были погибнуть.

— И бедный Пьерр тоже погиб. Мы лишились Пьерра.

— Пьерра? Кто такой был он?

— Кучер.

— О! помню. Вы думаете, что он также утонул?

— Я этого боюсь. Мне очень жаль бедного Пьерра. Славный негр был Пьерр. Но о господине Антоане жалеют все.

— Вы все его любили?

— Все, и чёрные и белые, и барышня его любила. Он жил всегда с господином Безансоном. Он, кажется, был опекуном барышни. Что теперь

будет она делать? Друзей у нее не осталось, а эта старая лисица Гайярр...

Старик вдруг остановился, как бы спохватившись, что дал волю языку.

Имя, произнесенное им, пробудило мое любопытство.

«Если это тот самый, — думал я. — Сципион верно характеризовал его. Неужели это тот самый?»

— Вы говорите о Доминике Гайярре адвокате? — спросил я после некоторого молчания.

Сципион с удивлением вытаращил свои большие глаза и пробормотал:

— А вы его знаете?

— Немножко, — отвечал я.

Этот ответ как будто успокоил моего собеседника.

Я был лично знаком с упомянутым человеком; но во время моего пребывания в Новом Орлеане, случайно узнал его имя. Со мною случилось одно небольшое приключение, в котором этот человек играл весьма неблагоприятную роль. Я даже почувствовал отвращение к этому человеку, который был, как я уже говорил, стряпчий или адвокат в Новом Орлеане. Сципион говорил, вероятно, о том же самом; я прежде слышал, что ему принадлежала плантация где-то у берега, по всей вероятности; это был он. И если у Эжени Безансон действительно не было друзей кроме него,

то Сципион сказал правду, что «она осталась без друзей».

Замечание Сципиона не только пробудило мое любопытство, но и внушило мне некоторое беспокойство. Не нужно говорить, что эта молодая креолка сильно меня интересовала. Человек, спасший жизнь прелестной женщины и при таких особенных обстоятельствах, не может быть равнодушен к будущей судьбе той, которую он спас.

Интерес ли любви пробудился во мне? Мое сердце отвечало: нет! К моему собственному удивлению, оно дало мне этот ответ. На пароходе я воображал, что будто почти влюблен в эту девушку, а теперь, после романического приключения, которое очень могло возбудить страсть, я вспоминал обо всем этом с хладнокровием, удивлявшим самого меня! Я чувствовал, что потерял много крови; неужели и страсть вытекла из моих жил в одно время?

Я старался найти какое-нибудь объяснение этому редкому психологическому факту, но в то время я равнодушно изучал свою душу. Область любви была для меня неведомой землей.

Одно было странно. Когда я старался припомнить черты креолин, то другое личико являлось передо мною яснее прежнего!

«Странно, — думал я, — откуда взялось это

прелестное видение? или это мечта моего расстроенного мозга! О! чего не дал бы я, чтобы воплотить этот чудный призрак.

Я совершенно убедился, что я не влюблен в Эжени Безансон, однако, я тоже не был и равнодушен к ней. Дружба было чувство, оживлявшее меня. Этот дружеский интерес к ней был так силен, что заставлял меня беспокоиться о ней, Внушал мне желание узнать покороче ее и ее дела.

Сципион был не скрытен и, менее чем в полчаса, он рассказал мне все, что знал сам.

Эжени Безансон была единственной дочерью креола-плантатора, который умер два года тому назад. Одни считали его богачом, другие думали, что дела его довольно запутаны. Доминик Гайярр был назначен опекуном имения вместе с управителем Антоаном. Гайярр был стряпчим Безансона, а Антоан сначала его верным слугой, а потом другом и товарищем.

Через несколько месяцев Эжени делается совершеннолетней, но велико ли ее наследство, Сципион сказать не мог. Он знал только, что после смерти ее отца, Доминик Гайярр, главный душеприказчик, доставлял ей все суммы, за какими только она обращалась к нему, а она не ограничивала себя ни в чем: она была щедра, она много тратила и, по выражению Сципиона, бросала

доллары куда ни попало!

Негр яркими красками описывал много больших балов и сельских празднеств в плантации, намекал на роскошную жизнь, какую молодая барышня вела в городе, где она обыкновенно проводила большую часть зимы. Всему этому я мог поверить легко. Судя по тому, что случилось на пароходе, я верил, что Эжени Безансон походила на описание Сципиона. С горячей душою, исполненная пылких побуждений, щедрая до крайности, живущая совершенно настоящим, не заботящаяся ни о каких будущих расчётах — вот какова была наследница, как раз с руки для порочного опекуна.

Я видел, что бедный Сципион очень уважал свою молодую барышню, но даже, несмотря на свое поведение, он подозревал, что все эти расходы не поведут к добру. Он качал головою, говоря об этом и прибавил:

— Я боюсь, что это не может долго продолжиться. Даже банк лопнул бы, если бы из него так часто и так много брали денег.

Когда Сципион говорил о Гайярре, он еще значительнее качал головой. Он, очевидно, имел какие-то странные подозрения об этом человеке, хотя не хотел высказать их.

Я узнал довольно для того, чтобы убедиться, что Доминик Гайярр и стряпчий в Новом Орлеане

были одно и то же лицо. Он был стряпчим только по званию, а на самом деле мог назваться скорее ростовщиком; он имел также плантацию смежную с безансонской, и сотню невольников, с которыми он обращался чрезвычайно строго.

Сципион дал мне о нем еще несколько подробностей. Он был стряпчим и приятелем господина Безансона и, по уверениям Сципиона, часто его надувал.

Еще я узнал от старого негра, что Гайярр живет на своей плантации летом, и каждый день ходит в «большой дом» — жилище Эжени Безансон, где он совершенно как дома и поступает, говорил Сципион, «как будто он хозяин там».

Мне казалось, что Сципион знал более об этом человеке, но что ему не хотелось говорить. Это было довольно естественно при нашем недавнем знакомстве. Я видел, что он чувствовал большое отвращение к Гайярру. Было ли это основано на каком-нибудь обстоятельстве, или происходило от инстинкта, сильно развитого в этих бедных невольниках, которым не позволяют рассуждать?

Однако в рассказе его находилось много фактов, которые не могли быть дознаны по одному инстинкту. Он верно узнал их от кого-нибудь.

— Кто сообщил вам все это, Сципион?

— Аврора.

— Аврора!

Глава XIV ДОМИНИК ГАЙЯРР

Я почувствовал внезапное желание, доходившее почти до нетерпения, узнать кто была Аврора. Почему? Странность ли и красота имени — потому что оно звучало необыкновенно приятно для моих саксонских ушей — были этому причиною? Или его мифические воспоминания, его идеальное применение к румяным часам востока, или к блестящему фосфорическому свету севера? Но этим ли причинам имя Аврора возбудило во мне таинственный интерес?

Я не имел времени размышлять или расспрашивать Сципиона. В эту минуту в дверях явились два человека, которые, но говоря ни слова, вошли в комнату.

— Доктор, — шепнул Сципион, посторонившись.

Не трудно было угадать, который был доктор; я тотчас узнал, что высокий бледный мужчина, смотревший на меня вопросительно, был ученик Эскулапа, так же верно, как если бы он нес в одной руке свой диплом, а в другой дощечку от его дверей.

Он был лет сорока, не дурен лицом, хотя оно

не принадлежало к таким лицам, которые называются красивыми. Оно было интересно по спокойному, умному выражению доброты. Это было лицо немецкое за два или за три поколения, но американский климат, то есть политический, сгладил грубые черты европейского деспотизма, и почти возвратил ему первобытное благородство очертаний. Впоследствии, когда я лучше ознакомился с американскими типами, я бы тотчас узнал, что это лицо пенсильванское.

Передо мною стоял воспитанник одной из знаменитых медицинских академии Филадельфии, доктор Эдуард Рейгарт.

Мой доктор сделал на меня приятное впечатление с первого взгляда.

Как различно было впечатление, произведенное на меня его товарищем: ненависть, презрение, отвращение почувствовал я при виде этого чистого французского лица — не того благородного лица, которое мы видим в Дюгескленах и во многих старых гугенотских героях, а в новейшее время в Гюго или Араго, но такого лица, какое вы можете видеть каждый день сотнями на бирже или за оперными кулисами. Я не могу лучше описать эту физиономию, как сказав, что она напоминала мне лисицу. Я не шучу. Я ясно заметил это сходство, я заметил тот же косвенный и зоркий взгляд, который показывал

глубокое притворство, эгоизм и жестокость.

Товарищ доктора казался лисицею в человеческом образе и со всеми принадлежностями этого животного, развитыми в высшей степени.

Мои инстинкты сошлись со сципионовыми, потому что я нисколько не сомневался, что передо мною находился Доминик Гайярр.

Он был невысок и худощав, но очевидно мог перенести многое, прежде чем расстаться с жизнью. Черные глаза его сверкали, как глаза ластки. В них всегда виднелась улыбка, но она была хитра и лживая. Если бы кто-нибудь считал себя виновным в слабости или преступлении, тот был уверен, что Доминик Гайярр знал это и смеялся над этим. Если он узнавал о каком-нибудь несчастье, его улыбка становилась насмешливее, а маленькие глазки сверкали очевидным восторгом. Он страстно любил себя и ненавидел своих ближних.

Волосы у него были черные и жидкие, брови чёрные и косматые, лицо безбородое, бледно-мертвенного оттенка, с огромным горбатым носом. Одеть он был в чёрный сюртук и чёрный атласный жилет, а на шее, вместо галстука, была обвязана черная шелковая лента. Лет он — казался пятидесяти.

Доктор пощупал мои пульс, спросил, как я спал, посмотрел язык, опять пощупал пульс, а потом ласково велел мне быть как можно

спокойнее, прибавив, что я очень слаб, что я потерял много крови, но что через несколько дней силы мои возвратятся. Сципиону приказано было приготовить к моему завтраку чай, поджаренный хлеб и цыплят. Доктор не спрашивал меня, как я получил мою рану. Это показалось мне довольно странно, но я приписал это его желанию оставить меня в покое. Без сомнения, он думал, что всякий намёк на происшествия прошлой ночи, может возбудить во мне вредное волнение. Я так тревожился об Антоане, что не мог промолчать и спросил о нем. Никто ничего не знал. Он наверно погиб.

Я рассказал, при каких обстоятельствах я расстался с ним и, разумеется, описал мою схватку с забиякой, и каким образом получил я рану. Я не мог не заметить странного выражения на лице Гайярра. Он весь превратился во внимание, и когда я рассказал, что по моему убеждению управитель не мог продержаться на пароме ни одной минуты, мне показалось, будто чёрные глаза стряпчего сверкнули восторгом! Даже в них было столь дурно скрываемое выражение удовольствия, что на него отвратительно было смотреть. Может быть, я не заметил бы этого, или, по крайней мере, не понял бы, если бы Сципион прежде не рассказывал мне о нем. Несмотря на лицемерное повторение слов «бедный месье Антоан» я видел ясно, что он тайно

восхищался мыслью, что старый управитель утонул.

Когда я кончил мой рассказ, Гайярр отвел доктора в сторону, и оба разговаривали несколько минут тихим голосом. Я слышал отчасти их разговоры. Доктор, казалось, не заботился, что я его услышу, между тем как Гайярр очевидно старался, чтобы разговор их не дошёл до меня. По ответам доктора я мог понять, что хитрый стряпчий желал, чтобы я переехал в деревенскую гостиницу, он напирал на особенное положение, в котором находится молодая девушка одна в доме с незнакомым молодым человеком.

Доктор не видел необходимости моего переезда по таким причинам. Сама хозяйка этого не желала, она даже не хотела об этом слышать.

Что такое за «особенное положение», говорил добрый доктор Рейгарт, — помещение в гостинице совсем неудобное, кроме того она уже наполнена многими другими больными...

Тут голос говорившего так понизился, что я мог только разобрать отрывочные фразы, как например «иностранец», «не американец», «лишился всего», «в гостинице нельзя жить тому, у кого нет денег». Гайярр отвечал на это последнее возражение, что он заплатит за меня в гостинице.

Это с намерением было сказано громко, чтобы я услышал, и я был бы благодарен за подобное

предложение, если бы не подозревал какой-нибудь дурной причины в великодушии стряпчего. Доктор отвечал на это предложение новыми возражениями.

Невозможно... большой риск... я не возьму на себя ответственности, рана опасная, много потеряно крови, он должен остаться здесь пока, а дня через два, когда соберется с силами, может переехать в гостиницу.

Обещание отправить меня через два дня, казалось, удовлетворило хитрого Гайярра, и совещание кончилось.

Гайярр подошёл к постели проститься со мной, и я мог видеть ироническое выражение в глазах его, когда он говорил мне пошлые утешения. Он не знал с кем он говорить. Если бы я назвал себя, его бледные щеки наверно вспыхнули бы, и он быстро удалился бы. Благоразумие заставило меня промолчать, и когда доктор спросил, кого он имеет честь лечить, я прибегнул к простительной уловке многих знаменитых путешественников, и назвал именем моей матери. Я сказал, что меня зовут Эдуард Рётторфорд.

Повторив мне, чтобы я оставался спокоен, не вставал с постели, принимал лекарство в назначенные часы, доктор простился. Гайярр ушёл прежде него.

Глава XV

АВРОРА

Я остался несколько минут один; Сципион ушёл в кухню за чаем, поджаренным хлебом и цыплятами. Я размышлял о разговоре между доктором и Гайярром, где многое показалось мне странным. Поведение доктора было довольно естественно, оно показывало истинно благородного человека; на что другой имел злое намерение — в этом я не мог сомневаться.

Зачем он желал так сильно моего переезда в гостиницу? Очевидно, причина была важная, если он брал на себя издержки, а я знал, что этот человек совсем не был щедр!

«Зачем он желает моего переезда?» — спрашивал я себя.

«А! знаю! ясно вижу его умыслы. Эта лисица, этот хитрый стряпчий, этот опекун, без сомнения, влюблен в Эжени Безансон! Она молода, богата, прелестна, он стар и безобразен — но что ж из этого? Он не считает себя ни тем, ни другим, и может надеяться, и менее основательные надежды бывали увенчаны успехом. Он знает свет, он юрист, он ее нотариус, держит в руках ее дела, он ее опекун, поверенный — все. С такими преимуществами чего не может он сделать? Или он женится на ней, или разорит ее. Бедняжка! Мне ее жаль!»

Странно, что я только жалел о ней. Что во мне не было другого чувства, было для меня тайной, которую я не мог понять.

Приход Сципиона прервал мои размышления. Тринадцатилетняя девочка несла вместе с ним блюда и тарелки. Это была Хлоя, его дочь, но совсем не такая чёрная, как ее отец. Она была «жёлтого цвета» с чертами довольно красивыми, Сципион объяснил это. Мать его «маленькой Хлои», как он называл ее, была мулатка, и Хлоя походила на нее.

Сципион смеялся, говоря это, как будто он гордился, что он отец такой светлокожей и хорошенькой девочки как Хлоя.

Как все ей подобные, Хлоя была до крайности любопытна и, вытаращив глаза на чужестранца, который спас жизнь ее барышни, она чуть было не разбила чашки, блюда и тарелки, за что Сципион хотел дать ей пощёчину, но я удержал его. Станные выражения и жесты отца и дочери, особенность этой невольнической жизни, заинтересовали меня.

Аппетит у меня был большой, несмотря на мою слабость. Я не ее ничего на пароходе: бег заставил забыть многих пассажиров об ужине, и меня в том числе. Чай подкрепил меня, цыплята, деликатно приготовленные с рисом, как будто наполнили мои жилы новой кровью. За

исключением легкой боли в ране, я совершенно поправился.

Завтрак убрали, и через несколько времени Сципион воротился, чтобы остаться со мною: так ему было приказано.

— Теперь, Сципион, — сказал я, как только мы остались одни, — скажите мне, кто такая Аврора?

— Бедная невольница, точно такал же, как и старый Сципион.

Неопределенный интерес, который и начал чувствовать к Авроре, тотчас исчез.

— Невольница! — повторил я тоном разочарования.

— Горничная барышни, продолжал Сципион, — чешет ей волосы, одевает ее, читает ей...

— Читает! как! невольница?

Мой интерес к Авроре начал возвращаться.

— Да, читает. Я вам объясню. Старый барин Безансон был очень добр к своим невольникам: многих выучил читать, Аврору также читать и писать, и разным другим разностям. А барышня учит ее музыке. Аврора знает многое, все равно, как белые люди. Она играет на фортепьяно, играет и на гитаре!

— И все-таки Аврора бедная невольница, такая же, как и все вы, Сципион?

— О нет! Она совсем не похожа на других. У

нее нет тяжёлой работы, она очень дорога: она стоит две тысячи долларов!

— Стоит две тысячи долларов! Почему вы это знаете?

— За нее давали столько. Господин Мариньи хотел купить Аврору, и господин Кроза, и американский полковник с другой стороны реки — все давали две тысячи, а старый барин не хотел продать ее.

— Так это еще было при старом барине?

— Да, только один покупал с тех пор, капитан парохода; он говорил, что ему нужна Аврора в дамскую каюту. Он так грубо говорил с ней. Барыни рассердились, и господин Антоан также рассердился, а капитан рассердился больше всех.

— Почему же Аврора стоит так дорого?

— О! она очень добрая девушка; только...

Сципион остановился.

— Только что?

— Я не думаю, чтобы это была причина.

— А что ж такое?

— Сказать по правде, только дурные люди хотели ее купить.

Как ни деликатен был намёк, я его понял.

— Стало быть, Аврора хороша собой? — спросил я. — Так ли, друг Сципион?

— Не старику негру судить об этом, но так говорят и белые, и чёрные люди, что она самая

красивая квартеронка во всей Луизиане.

— А! квартеронка?

— Да, но только она так же бела, как и барышня. Барышня иногда смеется и говорит это самое, только знаете большая разница: одна богата и знатна, другая бедная невольница, точно так как старый Сципион, нас обоих можно купить.

— Можете вы описать Аврору, Сципион?

Не пустое любопытство заставило меня сделать этот вопрос, а более важная причина. Видение еще преследовало меня, этот странный тип, не черкеский, не индийский, не азиатский, было ли это возможно, вероятно?..

— Можете вы описать ее, Сципион? — повторил я.

— Описать, да, да!

Я не надеялся добиться очень верного портрета, но, может быть, несколько штрихов помогут мне разобраться, похожа ли она на мое видение. В моем воображении портрет был так ясно начертан, как будто бы лицо находилось перед моими глазами. Я мог легко сказать, похожа ли Аврора на мое видение. Я начинал думать, что это было не видение, а действительность.

— Некоторые говорят, будто она горда, простые негритянки, которые завидуют ей, но она никогда не бывает горда со стариком Сципионом, это я знаю: она разговаривает с ним, рассказывает

ему много кое-чего, учит Хлою читать...

— Я прошу описания ее наружности, Сципион.

— О! описание ее наружности, то есть, какова она собой?

— Да. Какие у нее волосы, например?

— Чёрные.

— Жесткие?

— Нет, разумеется, нет; Аврора не негритянка, а квартеронка.

— Курчавые?

— Ну, не такие как эти, — и Сципион указал на свою голову, — а завиваются, как белее люди говорят, волнисто.

— Понимаю; ну, а глаза?

Сципионово описание глаз квартеронки было довольно странное. По его словам они были большие, крутые и блестящие как у оленя. Нос привел его в недоумение, но после многих расспросов, я добился, что он был прямой и маленький. Брови, зубы, цвет лица все было описано верно, щёки он сравнил с персиком.

Как ни смешно было описание, я вовсе не имел намерения забавляться им. Я слишком был заинтересован, и слушал каждую подробность с нетерпеливым любопытством, которого я сам не мог объяснить.

Портрет был, наконец, окончен; я остался

убежденным, что он принадлежал прелестному видению. Когда Сципион окончил описание, во мне возгорелось непреодолимое желание увидеть эту прелестную квартеронку.

В эту минуту в доме раздался колокольчик.

— Сципиона зовут, я ворочусь через минуту.

Сказав это, негр оставил меня.

Я лежал и размышлял об этом странном, даже несколько романическом положении, в какое обстоятельства вдруг поставили меня. Не далее как вчера был я путешественником с пустым кошельком, и не знал, в каком доме найду убежище; сегодня я гость молодой, богатой, незамужней женщины, гость больной, за которым ухаживают.

Эти мысли скоро новели к другим. Я начал опять сравнивать мое видение с описанием Сципиона. Чем более я сравнивал, тем более меня поражало сходство. Как могла мне привидеться такая странная вещь? Это невероятно. Наверно я видел это лицо. Когда я упал в обморок, меня окружали многие, может быть, и она была тут. Это было вероятно. Но была ли она? я спрошу Сципиона, когда он воротится.

Продолжительный разговор со старым негром утомил меня слабого и истощённого. Яркое солнце, освещавшее мою комнату, не помешало мне глубоко заснуть.

Глава XVI

КРЕОЛКА И КВАРТЕРОНКА

Я спал крепко, может быть, с час, потом что-то разбудило меня, и я лежал несколько минут, погружившись в приятное впечатление. Нежное благоухание носилось около меня, и я слышал легкий шелест, показывающий присутствие хорошо одетых женщин.

— Он просыпается! — прошептал тихий голос.

Я раскрыл глаза и несколько мгновений думал, что продолжается моя мечта. То же лицо, те же густые волосы, те же блестящие глаза, те же брови дугой, те же розовые щеки, все было передо мной!

Мечта ли это? Нет, она дышит, она двигается, она говорит!

— Посмотрите! он глядит на нас! Он проснулся!

Стало быть, это не мечта, не видение, это она, это Аврора!

До этой минуты я еще не вполне пришёл в себя. Моя мысль сорвалась с моих губ, но только последнее слово было произнесено вслух. Восклицание, следовавшее за этим, совсем разбудило меня, и я увидел двух женщин, стоявших

возле моей постели. Одна была Эжени, другая, без всякого сомнения, Аврора.

— Он произнес твое имя! — сказала удивленная госпожа.

— Мое имя! — повторила с таким же удивлением невольница.

— Но как он узнал твое имя, как?

— Не могу знать.

— Ты была здесь прежде?

— Нет.

— Это очень странно! — сказала молодая девушка, бросив на меня вопросительный взгляд.

Я уже опомнился на столько, что заметил, что я говорил слишком громко. Почему я знаю имя квартеронки, потребовало бы объяснения, а я право не знал бы, что сказать. Сказать о том, что я думал, объяснить выражения, произнесённые мною, поставило бы меня в самое нелепое положение, но молчать значило бы внушить Эжени Безансон самые странные мысли. Что-нибудь надо было сказать, маленький обман был решительно необходим.

В надежде, что она заговорит первая, и может быть, подаст мне повод к тому, что я должен сказать, я несколько минут не раскрывал рот. Я притворился, будто страдаю от раны, и беспокойно вертелся на постели. Эжени Безансон не примечала этого, но оставалась в позе удивления, просто

повторяя:

— Как это странно, что он знает твое имя!

Мои неблагоприятные слова произвели впечатление. Я не мог долее молчать и, повернувшись лицом к мадмуазель Безансон, я сделал вид, будто только что заметил ее присутствие, и обрадовался, что вижу ее.

После двух-трех вопросов о моей ране, она сказала:

— Почему вы узнали, как зовут Аврору?

— Аврору! — повторил я. — О! вам кажется странно, что я знаю ее имя? По милости верного описания Сципиона, я узнал с первого взгляда, что это Аврора.

Я указал на квартеронку, которая отступила шага на два, и стояла в безмолвном удивлении.

— Сципион говорил вам о ней?

— Да. Мы целое утро рассуждали с ним. Я уже знаком и с маленькой Хлоей, и с множеством ваших людей. Эти вещи интересуют меня, незнакомого с луизианской жизнью.

— Я очень рада, что вам лучше, сказала Эжени Безансон, очевидно довольная моим объяснением. — Доктор уверил меня, что вы скоро выздоровеете совсем. Я слышала как вы получили вашу рану: за меня! вы защищали меня. О! чем я отплачу вам? как я возблагодарю вас за спасение моей жизни?

— Никакой благодарности не нужно. Это было исполнение простого долга с моей стороны. Я не подвергался никакой опасности, спасая вас.

— Никакой опасности! Всем возможным опасностям, и ножу убийцы, и волнам. Но могу уверить вас, что моя признательность будет соразмерна вашей великодушной любезности. Мое сердце исполнено и благодарности и горя.

— Да, я понимаю, как вы должны сожалеть о потере верного слуги.

— Верного слуги! скажите лучше, друга. После смерти моего бедного отца, он был моим отцом. Он заботился обо всем, все мои дела были в его руках. Я не знала никаких хлопот. Но теперь я не знаю, что меня ожидает. Вы, кажется, говорили, — прибавила она с живостью, — что вы видели, как он боролся со злодеем, ранившим вас?

— Да. Я видел их так в последний раз.

— Стало быть, нет надежды никакой, пароход пошёл ко дну через несколько минут после того. Бедный Антоан! бедный Антоан!

Она залилась слезами. Я не мог предложить ей никаких утешений. Да и было лучше предоставить ей свободу наплакаться вдоволь. Одни слезы могли облегчить ее.

— Кучер Пьер тоже, один из самых преданных моих людей, погиб. Я о нем также сожалею; но Антоан был другом моего отца, моим,

о! какая потеря! я осталась одна на свете; а, может быть, мне скоро понадобятся друзья. Бедный Антоан!

Она плакала, произнося эти слова. Аврора также была в слезах. Я не мог удержаться, и тоже заплакал.

Эта торжественная сцена, наконец, была прервана Эжени, которая вдруг преодолела свою печаль и сказала:

— Я боюсь, что я покажусь вам скучной хозяйкой. Я не могу легко забыть моего друга, но я знаю, что вы простите мне мою горечь. Пока, прощайте! Я скоро возвращусь, и посмотрю, хорошо ли ухаживают за вами. Я поместила вас в этом маленьком павильоне, чтобы вас не беспокоил шум. Я виновата, зачем пришла к вам. Доктор не велел беспокоить вас, но я никак не могла удержаться, чтобы не взглянуть на спасшего мою жизнь, и не поблагодарить его. Прощайте, прощайте! Пойдем Аврора.

Я остался один. Это свидание внушило мне глубокое чувство дружбы к Эжени Безансон, даже более, нежели дружбу, сочувствие; я никак не мог преодолеть убеждения, что она в опасности, что над этим юным сердцем, недавно столь веселым и беззаботным, собиралась туча.

Я чувствовал к ней уважение, дружбу, сочувствие, и ничего более. Почему же я не был

влюблен в нее, молодую, богатую, прелестную? Почему?

Потому что я любил другую, и любил Аврору!

Глава XVII ЛУИЗИАНСКИЙ ЛАНДШАФТ

Кто захочет слушать подробности жизни в комнате вольного? они не могут быть интересны ни для кого. Моя жизнь состояла только из размышлений и однообразия, нарушаемого, время от времени, присутствием любимого мною существа. В такие минуты я уже не скучал, и моя комната превращалась для меня в эдем.

Увы! эти сцены продолжались только несколько минут. Между ними были промежутки таких длинных, длинных часов, что эти часы казались мне днями. Два раза каждый день посещала меня моя прелестная хозяйка со своею спутницей. Ни которая из них не приходила никогда одна!

С моей стороны принуждение часто ставило меня в затруднительное положение. Разговаривал я с креолкой, а думал о квартеронке. С последней я мог только размениваться взглядами. Приличие сдерживало язык, хотя все условия света не могли помешать глазам разговаривать своим безмолвным, но выразительным языком.

Даже и в этом было принуждение. Мои взгляды говорили только украдкой. Меня волновало двойное опасение. С одной стороны боязнь, что выражение моих взглядов не будет понято кварталонкой, и что она не будет отвечать на них. С другой стороны, что их хорошо поймет креолка, которая будет смотреть на меня с насмешкой и презрением. Я никогда не думал, что они могут пробудить ревность, мне и в голову это не приходило. Эжени была грустна, признательна, дружелюбна, но в ее спокойной осанке и твердом тоне голоса не было и признака любви. Казалось, страшный удар, нанесенный ей этим трагическим происшествием, произвел совершенную перемену в ее характере. Из веселой девушки она вдруг сделалась серьёзной женщиной. Она была не менее прелестна, но красота ее казалась мне похожею на красоту статуи.

— Она не затрагивала моего сердца, уже наполненного красотой более совершенной, более блистательной. Креолка меня не любила; и, странно, эта мысль, вместо того чтобы уколоть мое тщеславие, скорее была для меня приятна!

Но любила ли меня кварталонка? На этот вопрос сердце мое с жаром требовало ответа. Она всегда провожала мадмуазель Безансон, когда та приходила ко мне, но я не смел разменяться с ней ни словом. Я даже боялся, чтобы мои пламенные

взгляды не изменили мне. О! если бы Эжен и знала мою любовь, она презирала бы меня. Как! я влюблен в невольницу! в ее невольницу!

Я хорошо понимал это чувство, это чёрное преступление ее породы. Но что оно было для меня? Зачем мне обращать внимание на обычаи и приличия, которые я презирал в сердце, кроме уравновешивающего влияния любви? В глазах любви, звание теряет свое обаяние, титулы кажутся вздором. Для меня красота носит корону.

Что касалось до моих чувств, мне решительно было все равно, если бы целый свет узнал о моей любви, все равно, если бы он презирал меня за это. Но тут были другие соображения — признательность за гостеприимство, за дружбу, и эти соображения были довольно важны. Положение, в котором я находился, было совершенно особенное, я это знал. Я знал, что моя страсть, даже если бы ей платили взаимностью, должна быть тайною и безмолвною. Писать сонеты и перелезть через стены из любви к какой-нибудь мисс, за которою надзирает гувернантка или опекун, за наследницей десятков тысяч, было бы легко в сравнении со смелостью пойти наперекор предрассудкам целого народа.

Несмотря на однообразие моей уединенной жизни, часы моего выздоровления проходили довольно приятно. Мне доставлялось все, что

только могло способствовать к моим удобствам. Мороженое, чудные напитки, цветы, редкие фрукты, постоянно присылались ко мне. Я скоро познакомился со всеми лакомствами луизианской кухни. Постепенно я познакомился также со всеми обычаями и привычками жизни на плантации, из разговоров Сципиона, который постоянно был со мною. Когда болтовня его надоедала мне, я прибегал к книгам, которых у меня было множество (по большей части французских авторов).

Когда я в первый раз сел у окна, я не мог не восхититься луизианским ландшафтом. Окна, как во всех креольских домах, доходили до самого пола, и сидя в длинных креслах, у раскрытого настежь окна, я мог любоваться великолепной картиной.

Окно мое выходило на запад, и широкая река катила свои волны, блиставшие как золото, прямо передо мною. На другом берегу я мог видеть обработанные поля сахарного тростника, от которых резко отделялись плантации табаку, более тёмного оттенка. Прямо против меня, на том же противоположном берегу, возвышается великолепный замок вроде итальянской виллы, с зелеными ставнями. Он окружен лимонными и апельсинными рощами. Взор мой не встречает ни одной горы, гор нет во всей Луизиане; но высокая темная стена кипарисов, поднимающаяся к

западному небу, производит эффект, очень похожий на горную возвышенность.

У ближайшего берега реки, вид еще разнообразнее. Я могу изучать тут разные сорта луизианских деревьев и цветов. Перед моим окном порхают пернатые существа, птички самых разнообразных пород; на большой дороге, виднеющейся между кустарником и домом, едут экипажи с разряженными дамами; на отдаленных полях поют работники; на реке изредка проходит пароход, лодка, паром, все это мелькает перед моими глазами, как эмблема деятельной жизни.

Мне казалось, что я никогда не видал такой прелестной сцены. Может быть, я глядел на нее не беспристрастно. Свет любви был в глазах моих, и, может быть, придавал всему розовый колорит. Я не мог глядеть на эту сцену, не думая о прелестном существе, одного присутствия которого недоставало только для того, чтобы сделать эту картину совершенной.

Глава XVIII

МОЙ ДНЕВНИК

Я разнообразил свою жизнь тем, что писал мой дневник.

Разумеется, дневник больного не мог вмещать в себе никаких происшествий. В моем дневнике

записывались скорее рассуждения, нежели поступки. Я выпишу из него несколько мест, не потому, чтобы они были очень интересны, но потому что, записанные в то время, они представляют вернее мысль и происшествия, случавшиеся со мною во время моего пребывания на плантации Безансон.

Июля 12. — Сегодня я мог сидеть и писать. День необыкновенно жаркий. Зной был бы нестерпим, если бы ветерок, полный благоуханием цветов, не проносился иногда по моей комнате. Ветерок этот дует с Мексиканского Залива, через озера Борн, Паншартрен и Маопа.

Этот морской ветерок очень полезен для жителей Нижней Луизианы. Без его прохладного влияния, Новый Орлеан был бы необитаем.

Сципион сказал мне, что новый управитель приехал на плантацию, и он думает, что его выбрал Доминик Гайярр. Он привез от него письмо. Следовательно, это довольно вероятно.

На Сципиона приезжий, кажется, сделал не весьма благоприятное впечатление. Он назвал его «белым бедным человеком с севера и янки».

Между неграми я нашёл антипатию к тем, кого они называют «бедными белыми людьми», тех, у кого нет невольников или земли. Когда негр говорит эту фразу в глаза белому, тот считает это наглым оскорблением, и обыкновенно оплачивает

неблагоразумному негру словами «масляная кожа».

Невольники вообще находят, что самые жестокие управители всегда из штатов Новой Англии, или янки, как их называют на юге. Это прозвание, которое чужестранцы презрительно применяют ко всем американцам, в Соединенных Штатах имеет ограниченное значение, а если выговаривается с упреком, то применяется только к туземцам Новой Англии. Прежнее время ему в шутку приписывали патриотический дух; и в этом смысле каждый американец с гордостью называл себя янки. Между южными неграми «янки» — выражение упрека, к которому применяется бедность, низость и тому подобное.

Июля 14. — Сегодня два раза меня посещала мадмуазель Эжени, по обыкновению вместе с Авророй.

Разговор наш был непродолжителен! Эжени еще, очевидно, страдает, и говорит все грустным тоном. Сначала я приписывал это ее печали об Антоане, но теперь это продолжается уже слишком долго. Верно, другие горести тяготеют на душе ее. Я страдаю от принуждения. Присутствие Авроры налагает на меня это принуждение; и я не могу говорить тех пошлых фраз, которые требуются в обыкновенном разговоре. Аврора не принимает участия в разговоре, но стоит у дверей или за стулом своей госпожи, и почтительно слушает.